

Собеседник

Козловский Евгений Александрович

Ведущий

Самодуров Юрий Вадимович

Дата записи

Беседа записана 25 апреля 2013 и опубликована 22 ноября 2013.

Введение

Беседа посвящена воспоминаниям о тяжелой военной юности, участию в партизанском движении и судьбе в науке. Об учебе в МГРИ и учителях, исследовательской работе и руководстве экспедициями, о специфике геологоразведки и выдающихся результатах советской геологии. С 1975 по 1989 годы Евгений Александрович занимал пост министра геологии СССР, избирался депутатом Верховного Совета СССР (1976—1989) и кандидатом в члены ЦК КПСС (1976—1989). Детальные знания о развитии отрасли позволяют Евгению Александровичу анализировать ее состояние на протяжении многих десятилетий вплоть до наших дней.

Юрий Вадимович Самодуров: Я читал несколько ваших статей в газете «Российские Недра». Был в ВИМСе, с Печёнкиным беседовал (*И.Г. Печенкин, зам.директора по науке ВИМС — прим.ред.*) и там у него увидел эту газету, обычно в других институтах ее нет, и в ней несколько очень крупных ваших интервью. Мне эти номера газеты дали, я их прочитал. Евгений Александрович, конечно, главное в нашей беседе — это ваша работа в должности министра и ваш взгляд на сегодняшнюю ситуацию. Но для того, чтобы было понятно, кто вы, как вы к этому пришли, почему вы считаете так, а не иначе, важно начать с детства. Поэтому я хочу спросить, как спрашиваю всех, когда и где вы родились, как жили, кто были ваши родители.

О деде — статском советнике

Евгений Александрович Козловский: Вы знаете, на сайте с моей фамилией очень подробно изложена биография. Плюс ко всему, сейчас вышло второе издание «Министры советской эпохи». Там мы дали собственное автобиографическое представление о том, где мы, откуда мы взялись, что мы делали, как прошла жизнь, чем мы это дело заканчиваем, и так далее. Она по-своему довольно интересная.

Но если отвечать на ваш вопрос сейчас, то я родился в Белоруссии. Есть там такое село Довск. Отец был директором школы, мать — учительница. И в течение длительного периода, до войны, жили там. Я долго пытался как-то разобраться в своей родословной еще до этого периода. Перекопал очень много материалов, смотрел и нашел некоторые довольно интересные, любопытные вещи. Мой дед, Осип Егорович, был действительный статский советник, управляющий таможенными Запада. И надо отдать ему должное, он дослужился до этого благодаря своей неплохой голове. Он вышел из крепостных Журавичского района Гомельской области. Его заметил кто-то из спонсоров, как сейчас модно говорить. Они забрали его к себе, и он окончил Коммерческое училище в Москве.

У него было одиннадцать детей. Из них два парня, остальные — девицы. Все девицы закончили Институт благородных девиц в Варшаве. Курировал их князь Радзивилл — он был другом деда. А отец и Володя (его брат), они закончили училище принца Ольденбургского под Лугой. Под Ленинградом, точнее. И встретили Гражданскую войну. Володю избрали командиром полка, а отец участвовал в Гражданской войне мальчишкой в те годы. В общем, такая кратенькая биография прошедшего. Она всегда интересна, надо было бы с ней разобраться. Но дед был вторым браком женат на крупной могилёвской помещице, и я недавно проезжал через Могилёв и еще раз посмотрел на свои бывшие поместья.

Ю.С.: Что-то осталось?

Е.К.: (*смеясь*) Что осталось? Во всяком случае, вы знаете, где-то такое чувство, что когда-то что-то принадлежало деду, могло принадлежать и мне. В таком духе. Хотя советское воспитание не позволяет воспринимать это дело в реальном варианте. Это шутка.

Наверное, в те годы мать (она очень строгий человек была) как-то ввела системную работу: учеба есть учеба, отдых есть отдых. Но ненавязчиво, никогда не вмешиваясь в нашу какую-то отдыхающую часть. То испанцы, то, помните, папанинцы, то еще игры. Довск сам по себе — это село, притом с возможностями села, где можно очень широко ходить по саду, строить землянки и тому подобное. То есть, довольно интересная юность была.

Военные годы. Участие в партизанском движении

23 июня 41-го года нас уже бомбили. Бомбили. И это сразу перевернуло всю жизнь, мгновенно. Отец стал командиром истребительного отряда, я был с ним. И нам пришлось потихоньку эвакуироваться из Довска, залезать в далекие сёла, там, где, казалось, меньше всего тебя может тронуть война. Фронт приближался, отца призвали в армию. Он ушел на фронт, получил тяжелое ранение под Киевом и на повозке второе ранение получил, когда его везли в госпиталь под Чернобылем. Под Чернобылем и оставили в госпитале. Армия бежала (хоть это неприлично говорить, но это было именно так, я свидетель), бросив всё население

и госпиталя. Отец в госпитале остался и в госпитале скончался от ран, поскольку никакой помощи уже оказать было нельзя.

Коротко говоря, я был в партизанском отряде, парнишкой, одно время. Бродили по сёлам Белоруссии, жили случайными заработками.

” **Мать была связана с партизанским движением крепко (она была разведчицей), работала в немецкой сельскохозяйственной комендатуре занималась оформлением аусвайсов для партизан. И партизаны спокойно путешествовали по гарнизону с определенными немецкими капитальными документами и так далее.**

В одно время в селе, где находилась комендатура, нас предупредили, что напали партизаны. Мать участвовала в закладке мин на полицейском участке. И произошел мощный взрыв, который деморализовал почти четыреста-пятьсот полицейских, которых собрали в районном центре. И в одну ночь разгромили этот участок! Мы ушли с партизанами и до прихода советских частей занимались нашими делами обычными, партизанскими.

Ю.С.: Вы были ведь мальчишкой совсем?

Е.К.: Четырнадцать, пятнадцать лет, да, да, да. Но хочу сказать, когда начинают говорить о характере, как вырабатывался характер, я отдаю должное войне. Она страшно многому научила. Она научила, в значительной степени, на мой взгляд, самостоятельности. Это первое. Второе, я считаю, что она научила взаимоотношениям с людьми. Понимаете, в те годы прийти в село и попроситься на ночь — это целая процедура. Ты не можешь «нахрапом» прийти: «Дай я у тебя остановлюсь». Надо как-то подъехать к хозяйке, попросить ее, плюс ко всему сказать: «Я тебе дров наколю. Разреши, пожалуйста, переночевать», и так далее. А постоянные перемещения по территории требовали определенного навыка, подхода, понимания положения людей, понимания собственного положения в этом круговороте. Я считаю, она очень много дала с точки зрения восприятия человека. Отношу это не только к себе, я говорю вообще о формировании человека в годы Великой Отечественной войны. В тяжелейших условиях.

Ю.С.: А братья и сестры у вас были?

Е.К.: У меня была сестра, ей было тогда пять лет. В дальнейшем, когда прошло время уже и подошли наши войска, мать работала в СМЕРШе и занималась допросом высшего офицерского состава — взятых в плен. Я был при армии сыном полка, прямо говоря, здесь же, при СМЕРШе. Отношение было удивительное. Понимаете, парнишка, который работает на побегушках. Это очень интересно было по тем временам. Во всяком случае, была довольно обеспеченная жизнь: обмундирование было, питание было, и наступила какая-то легкость после того полуголодного существования, о котором я говорил выше.

Ю.С.: А сестра с мамой была?

Е.К.: Она была с мамой. Мы нашли мать.

Мы одно время теряли мать, полгода жили вдвоем, по селам ходили, побирались. И это, понимаете, как-то формировало, наверное, отношение, какой-то вносило элемент раннего взросления. Потому что мы уже в пятнадцать, в шестнадцать лет были почти сформированные люди с полным пониманием жизненного процесса, который происходит вокруг и как происходит. И мы были убеждены уже в стойкости, мы могли выстоять в любой обстановке. Вот это дала война.

Побег из Бакинского военно-морского училища. Обучение в артиллерийском училище

Надо еще понимать, позднее наступает мирное время. Наши войска продвигались к границе России, к границе Советского Союза. Нас всех пареньков собрали, армейских, а нас было семь человек на территории Белоруссии, там, где мы располагались, и отправили всех в Бакинское военно-морское училище. Мы в Бакинском военно-морском училище пробыли три месяца и пришли к выводу: война еще не закончилась (это был 45-й год), надо бежать в свои войска.

Кто-то подал идею: «Давайте к своим!» Нам не понравилось страшно в Баку, и мы бежали. Притом уже появилась смекалка армейская. В тот период юнг переводили из Баку. Мы накопили хлеб, какие-то запасы продовольствия, и семь человек пришли на вокзал, когда юнг отправляли куда-то в Ростов. Считают по головам, мы вклинились в середину, охрана просчитала — семь человек лишних! Комендантские начали лазить, возиться: как оказалось семь человек лишних. Но вагоны все как селедками набитые, патруль не может даже пробиться по этому вагону. Мы залезли в середину вагона, залезли под полки и отсиделись.

Надо отдать должное ехавшему там народу: и воинские представители были, и народ перемещался куда-то, все нас оберегали, понимаете? А мы в матросских робах были. Доехали до Ростова. В Ростове нас ссадили. После мы как-то умудрились в Ростове купить ключ, чтобы открыть вагон — трехгранный такой ключ, и с его помощью добрались до Тулы. В Туле нас ссадили, неделю мы работали в комендатуре, немножко окрепли, подпитались неплохо, и после опять бежали в Москву. В Москве на Киевском вокзале (он был оцеплен) мы продали булку хлеба за сто двадцать рублей. Тогда это были очень большие деньги. Продали булку хлеба и бежали дальше на Белоруссию.

В Белоруссию приехали, пришли в комитет комсомола. Там посмотрели: «Ребята, куда вас направляли? Вас направляли в военное училище, вы ж с военного училища сбежали». Но через какой-то период мы поступили в школу в городе Речице. Мать была уже назначена директором школы. Я закончил седьмой класс. В этот период создавалось Минское артиллерийское училище, и нас определили по путевке комсомола в Минское артиллерийское училище. Мы закончили училище. Служба складывалась хорошо, я пришел туда уже ефрейтором, затем младший сержант, сержант, старший сержант, старшина батареи. Ребята, которые бежали из Баку, тоже поступили туда и создался свой костяк в военном училище. Закончили военное училище.

Ю.С.: Это шел какой год?

Е.К.: Это 48-й год. В училище мы учились неплохо, и нам дали возможность получить образование за десять классов. Понимаете,

это было очень разумное решение: этих обстрелянных войной мальчишек определить в военное училище. Это было вообще решение очень серьезное, потому что каждый из нас хотел быть именно офицером. Уровень офицера по тем временам, понимание его роли после окончания войны было величайшее.

Это, естественно, действовало на нашего брата, и мы в значительной степени все хотели быть офицерами. Но произошел какой-то надлом — вдруг почему-то я захотел получить гражданское образование. После длительных перипетий (я сейчас об этом не говорю) я был направлен в Артиллерийскую академию. Я приехал в Артиллерийскую академию и опоздал. Меня не приняли на командный факультет по зрению: во время войны меня разорвавшаяся мина покалечила: песком забило глаза, я растер глаза, и у меня нарушилось зрение. На командный факультет меня не приняли, предложили военно-инженерный факультет или юридическую академию военную. Я отказался и решил стать горным инженером. Откуда мне стукнуло это в голову, не знаю.

Поступление и учеба в МГРИ

Я пошел в МГРИ (*Московский геологоразведочный институт имени Серго Орджоникидзе, теперь Российский геологоразведочный университет им. С. Орджоникидзе — прим. ред.*). Ах, да, судьба мне помогла... В Китайском проезде же была ставка Главного командования артиллерии, я был принят адъютантом маршала Воронова, (командующего артиллерией). Он как-то от безделья мучился, (маршал отсутствовал). Я просидел где-то неделю, недели две в ожидании приема к начальнику военно-учебных заведений по поводу демобилизации (был такой генерал-лейтенант Кариофили). А когда я уезжал из армии, ребята мне сказали: " Оставь китель, у тебя хороший китель, только получил«. Я им оставил китель, сам взял гимнастерку х/б. И был [одет]: диагональные брюки и гимнастерка х/б — это полное нарушение формы. На Киевском вокзале меня сразу схватил патруль, но я уговорил лейтенанта!

И я познакомился с этим адъютантом. Уже, наверное, из какого-то сожаления, что я долго сижу в приемной... А что значит «в приемной»: в семь часов появился, в девять начинают пускать. Сидишь, все нормально. После появляются подполковники, полковники, генералы. Поднимаешь: «Товарищ генерал, пожалуйста, садитесь». Наконец я попал к нему <в приемную>. Адъютант как-то послушал меня и говорит: «Иди, сдавай экзамены в институт, раз ты хочешь попасть». Я говорю: «Как сдать? У меня ни документов, ничего нет». Он мне говорит: «Я тебе сейчас дам документ». На бланке «Ставка главного командования артиллерии» было сказано, что дело такого-то рассматривается на предмет демобилизации, просим допустить до сдачи экзаменов. Я пришел в институт, показал. Председатель комиссии пожал плечами, говорит: «А документы? — Нет документов. — Что ты мне предлагаешь? — Я ничего не предлагаю. Вот есть...» А внизу главный маршал артиллерии Воронов — стоит огромный крючок и красным карандашом роспись. Страшный документ! Они долго ворочали, ворочали, куда-то пошли, что-то говорили, а после приняли мудрое решение: ну, пускай сдает, а там видно будет. Я сдал экзамены, прошел по конкурсу, но не добрал для общежития. Надо было что-то на бал выше, у меня не получилось. Вот такая штука.

После этого пошли тяжелые годы студенчества, тяжелые, но интересные. Потому что нам, тем, кто не имел помощи со стороны, пришлось очень серьезно заниматься личными проблемами.

Ю.С.: То есть общежития так вам и не дали?

Е.К.: Общежитие мне дали после первого курса. Я у родных одно время был, а на втором курсе уже дали общежитие в Перловке. Да, в Перловке. Вот мы в Перловке жили такой небольшой бригадой. Виктор Рогов, в будущем заместитель министра геологии СССР у меня был... Но самое главное не это. Мы ходили

на Химкинское водохранилище и разгружали баржи: сюда разгружали мешки с мукой, а отсюда ящики с пивом. Понимаете? И вот разгружаем в ночь, а после едем на занятия: то ли слушаешь, то ли спишь, но состояние такое... Устаешь же от всего этого дела.

Ю.С.: А факультет вы сразу выбрали?

Е.К.: Факультет? Я провёл разговор с профессором Воздвиженским Б.И. И он, мне показалось, добрый дядька...

Ю.С.: Так и есть.

Е.К.: Да, в дальнейшем он руководитель моей кандидатской диссертации был и консультантом по докторской. И это каким-то образом толкнуло меня на МГРИ. И, конечно, вопрос возник: на что жить? На четыреста рублей, на четыреста пятьдесят, которые мы получали после, это не очень-то удавалось. Но мы все-таки тянули, концы с концами сводили. Организовали бригаду тогда в общежитии на Извозной. Эта бригада скидывалась деньгами, и мы покупали крупы, еще что-то, кто-то варил по очереди на всю эту бригаду и так далее.

А на Химкинском водохранилище мы неплохо зарабатывали. Я занимался в институте боксом. Боксом я начал заниматься в военном училище. Притом в военном училище как: построили батарею, старшина батареи вышел и сказал: «Вот тут организуется школа танцев и бокс. Кто не хочет танцевать, занимайтесь боксом». И определил наше будущее. Мы боксом с удовольствием занимались. Все это, естественно, пригодилось в дальнейшем. И когда мы начали заниматься боксом, нам организовывали возможность показательных выступлений по боксу в Парке Горького, и за это дело платили хорошие деньги — пятьдесят рублей. И это как-то, понимаете, подкрепляло. Понемножку, понемножку набиралась какая-то сумма, близкая к четырестам рублям, а на восемьсот рублей можно уже нормально было жить. В общем институт я закончил...

Ю.С.: В 52-м?

Е.К.: В 53-м я закончил институт. Профессор Воздвиженский Б.И. в этот период предложил мне аспирантуру. Я от аспирантуры отказался и, надо отдать должное, по сей день не жалею.

Профессорско-преподавательский состав МГРИ

Ю.С.: А не можете ли вы немножко вспомнить о самом институте, о преподавателях?

Е.К.: Вопрос, который вы задаете, меня постоянно мучает и сейчас в этом же институте. Почему? Я считаю, что в институте важна школа! Школа! И мы должны в любом случае культивировать, в первую очередь, школу. Вы вспомните годы... вы, наверное, занимались, но значительно позднее. Но когда занимался я, когда мы говорили о минералогии, вспоминали профессора Смольянинова...

Ю.С.: Смольянинов, да.

Е.К.: Когда говорили о петрографии, вспоминали — Коптев-Дворников. Когда говорили «бурение», вспоминали — Воздвиженский, Волков. Когда говорили «горные работы», мы вспоминали Куличихина. И так далее. Короче говоря, наличие этих школ делало университет (по нынешним понятиям, а институт по тем временам) более авторитетным. Понимаете? Притом многие ведь ориентировались на то, что он действительно давал капитальное знание. Я не хочу сегодня упрекать наш профессорско-преподавательский состав, я просто ему искренне сочувствую по одной причине:

сегодня профессор доведен, и преподаватель доведен до такого состояния, когда за него стыдно. Он материально нищий человек, понимаете? И мне кажется, что это мучительное состояние сегодня профессора не дает ему морального превосходства даже над студентом.

Он попадает в очень неприятное положение! Поэтому я эту тему не хотел бы сейчас развивать, но хочу сказать только, что школа МГРИ по тем временам была блестящая! И сегодня мы все это сознаем, это понимает нынешняя профессура нашего университета, знает положение, в котором оказался наш университет, и, конечно, стремимся исправить эту обстановку.

Геологические практики

Ю.С.: Скажите, а по тем временам, когда вы кончили, как вы чувствовали свою подготовку, подготовленность? Вы были в себе уверены?

Е.К.: Я хочу сказать, что мы проходили прекрасные практики. Вся теоретическая часть в институте была превосходная. Но она была еще закреплена серьезными практиками на рабочих местах.

Ю.С.: А где у вас практики были?

Е.К.: Я проходил практику после второго курса в Донбассе. В Донбассе на Ольховатском комплексе шахт. Я был зачислен главным геологом, между прочим, сразу на шахте. Но что такое «главный геолог» на шахте? Это зарисовщик забоев, понимаете, я рисовал чуть-чуть, у меня, наверное, неплохо получалось. В маркшейдерском отделе была должность главного геолога, но получал он, по-моему, сто двадцать, не то сто тридцать рублей. И найти нормального главного геолога было невозможно. Вот они студенту и дали эту должность. Но я обязан был пройти крепильщиком, забойщиком и так далее. Я проходил эту практику. А после этого переходил на буровые работы. В Донбассе есть такой Петропавловск, село, и я проходил практику там, нормальную буровую практику.

Ю.С.: А после третьего курса?

Е.К.: А после третьего курса где-то еще, сейчас уже не помню, где была эта практика. После четвертого я работал в районе Парыгино и Зырянновска, на этих рудниках. Я проходил там практику, очень хорошую практику, был буровым мастером, старшим мастером. Немножко работал геологом.

Возвращаясь к Вашему вопросу: как мы себя чувствовали, являясь на работу? Я ехал, полный уверенности в том, что знаю предмет своей деятельности. Ее, наверное, давало то, что мы получали в стенах института. Эта была хорошая подготовка.

Работа после института

Но когда нас направляли на работу то в направлении писали, например: «Направляется заведующим буровыми работами». Думаю, огромный ляп допускал институт, когда писал в направлении такие вещи, потому что надо понимать, что такое «заведующий буровыми работами». Я прибыл в Дальневосточное геологическое управление.

Ю.С.: По распределению?

Е.К.: По распределению. Дальневосточное геологическое управление. Меня принял начальник управления и с большим чувством корректности меня спрашивал: «Вы понимаете, заведующий буровыми работами... А вы представляете себе?» То есть, он-то явно представлял с кем имеет дело. А я меньше

представлял, но, во всяком случае, знал уже, что это такое. Я ему сказал: «Вы знаете, у меня есть предложение: я поеду помощником бурильщика — на рабочую должность». Тот сначала помялся, помялся, а после говорит: «Мне неудобно вас направлять на эту должность. Но раз вы хотите, хорошо». И отправляет меня в Гаринскую экспедицию в Амурскую область, на север Амурской области на разведку железорудного Гаринского месторождения. Оно разведывалось уже несколько лет.

Когда я появился там пришел в отдел кадров. В отделе кадров никого нет: поднялась вода, огромный паводок, который затопил склады с мукой и продовольствием. А снабжение только сезонное, поэтому сразу мне сказали: «Оставляй свой чемодан здесь и иди-ка разгружать». Я явился разгружать. День разгружаем, два разгружаем. Командовал парадом тогда замполит Негей — очень энергичный человек, много уже лет работал в экспедиции.

” На третий день появляется один прилично одетый человек в галстучке. По тем временам редко кто так ходил. И говорит: «Я должен всех переписать». А замполит с шуткой мне говорит: «Слушай, студент, давай выбросим его в воду, чего он так оделся!» Мы его взяли и за руки и за ноги и выбросили в воду. На следующий день я являюсь в кадры — это оказался начальник отдела кадров.

И он мне говорит: «Ну, ты даешь! Далеко пойдешь — начальника отдела кадров выбросил в реку!» Он не обиделся, а так даже по-доброму сказал.

Ну, и пошла нормальная тяжелая работа. Мне дали две буровых, которые были на аварии. Я в течение где-то десяти — пятнадцати дней ликвидировал одну и вторую аварии. Это была очень серьезная работа. Прошло время, меня назначили заведующим буровыми работами. А в экспедиции работало тридцать буровых станков.

Ю.С.: Seriously.

Е.К.: Да, и семь шахт. Назначили заведующим буровыми работами. Работа шла нормально. А через какой-то период сняли с должности главного инженера, по-моему, хорошего инженера, и вопрос встал о моем назначении главным инженером. Я долго отказывался, но, знаете, как это делается: заседает <партийная> группа, вызвал начальник экспедиции, представитель Дальневосточного геологического управления, и секретарь парткома. И говорят: «Нет, дорогой, надо идти. Так мы определили, что тебе надо быть главным инженером». Назначили главным инженером. Начальник экспедиции серьезно заболел и слёг с радикулитом. Я оказался исполняющим обязанности начальника экспедиции. Экспедиция огромная была! Тогда две с половиной тысячи человек, поселок, огромное количество вышедших тогда по амнистии людей.

Ю.С.: Так это буквально через два года?

Е.К.: Да, да, да, через два года. И я стал главным инженером. Работа пошла очень хорошо, и через два года мы закончили разведку месторождения, написали отчет. И в этот период меня назначают заместителем начальника производственно-геологического отдела Дальневосточного геологического управления. Я не хотел идти туда, но со мной опять вели довольно большой разговор: «так надо». Начальником управления стал Виктор Андреевич Ярмолук. В будущем он будет заместителем министра у меня.

Ю.С.: Ярмолук, да, известная очень [фамилия]...

Е.К.: Да, это очень крупный геолог, в самом положительном смысле геолог. Это человек, который жил геологией. Притом очень скромный, начитанный, литературный, любил стихи изумительно, человек вообще в общении приятнейший. Очень много такого, знаете, положительного, что ассоциируется вообще с геологом-интеллектуалом. В дальнейшем он занимался международными делами Министерства

геологии СССР. И очень тоже много сделал.

” И вот я пошел к Ярмолюку и говорю, что не хочу работать в аппарате, это не моя работа, я не могу заниматься аппаратной работой. Я еще молодой специалист, меня надо направить на производство. Написал ему семь рапортов.

На каждом рапорте (он человек был писучий) он писал мне в таком литературном стиле: «Партия доверила вам работу...и так далее...ответственную работу. Вместо этого вы мне пишете заявление с просьбой отправить на производство. Считаю постановку вопроса неправильной...и так далее... Работайте там, где вам определили». Почти все резолюции одинаковые.

После этого я пошел в райком партии на прием к первому секретарю центрального райкома партии города Хабаровска, куда относился и партийный комитет нашего управления. Она меня приняла и внимательно выслушала — первый секретарь. Тогда, понимаете, к этому начальству можно было прийти и попасть сразу. Она меня выслушала, а после говорит: «Завтра будет бюро райкома, приходите». Я пришел. Она вызвала начальника управления и говорит: «Я не понимаю, как это так: молодой специалист просится на производство. Вы, начальник управления, отказываете ему в его праве. Так не пойдет, принимайте решение!» Ярмолук был человек строго подчиненный, он меня вызвал и сказал: «Ну хорошо, поедешь в Комсомольск, там организовывается Комсомольская геологическая экспедиция, поедешь главным инженером». Начальником тогда был Прудников — прекрасный геолог, друг Ярмолюка, человек с огромнейшим юмором.

Ю.С.: Понятно.

Комсомольская геологоразведочная экспедиция

Е.К.: И у него, понимаете, профессиональная легкость. Работая на съемке, он чувствовал себя всегда довольно легко. А Ярмолук мне приказал быть 1 января 57-го года на объекте. Я приезжаю в Комсомольск-на-Амуре, меня встречает Прудников, и я ему говорю: «Мне приказали дать телеграмму, что я на объект прибыл». У меня семья уже была, но это надо было догадаться, притом обязательно уколоть, обязательно сделать неприятное: перед Новым годом за сутки я должен уехать. Это какие-то мстительные меры, типа «знай наших». Так примерно.

Ю.С.: Ну, вы его, а он вас.

Е.К.: И вдруг Прудников мне говорит: «Слушай, первую телеграмму даем «Проезда нет и быть не может в течение пяти дней». Всё. Не можем добраться до места. И он продолжает: «Чтоб я уехал от ресторана, никогда этого не сделаю». Новый год мы празднуем в Комсомольске-на-Амуре в ресторане «Амур». «Амур» — и гостиница, и ресторан. Ну, мы остались, подготовились. Через неделю мы были на объекте, ставили палатки...

Ю.С.: Прошу прощения, а женились вы в институте?

Е.К.: Я женился на 4-м курсе института.

Ю.С.: В институте на 4-м курсе. Студентка?

Е.К.: Она была студентка Московского историко-архивного института.

Ю.С.: О! Да?

Е.К.: Да, да, да. Но там были хорошие девочки, поэтому довольно часто шастали туда.

Ю.С.: Тем более недалеко.

Е.К.: Да, да, да, недалеко, [на улице] «25-го Октября». Началась тяжелейшая работа по разведке Солнечного оловорудного месторождения. Мы его разведали за два с половиной года! И этим мы установили какой-то рекорд.

Ю.С.: Большая экспедиция была?

Е.К.: Она начала организовываться, а после выросла до двух с половиной тысяч человек. Но поскольку я перешел с [месторождения] Гари, я пригласил с Гари (Гарь закрывалась) основной состав, прекрасных буровиков, проходчиков и так далее. Ребята пошли за нами. Приехали. Но что значит «приехали»? Бросили все дома там и поехали сюда зимой в палатки, понимаете? Поэтому палатки, мороз до 40 градусов, долина узкая, это все накладывало отпечаток на работу, на дела и так далее. Но этот период был довольно интересный. Потребовалась огромная концентрация сил, умение организовать коллектив, умение, понимаете ли, поставить задачу, умение, в конце концов, решать проблемы. Вот, допустим, простая: работает палатка, в палатке стоит токарный станок, и слесарь в полушубке делает резьбу на трубах! Вдумайтесь!

Ю.С.: Сейчас это невозможно представить!

Е.К.: Да, это невозможно представить — совершенно фронтные какие-то требования. И они, между прочим, выполнялись! Не глядя на то, что заработная плата была не такая уж высокая!

Ю.С.: А почему люди так работали? Почему они были согласны на это?

Е.К.: Я думаю, что люди работали по одной причине: я отдаю многое постановке государственной задачи.

” Тогда пропаганда, отношение к проблеме было другое, чем сейчас. Человек, работающий там, в значительной степени относился с огромной гордостью к тому, что ему поручена вот эта огромнейшая работа.

А беда заключалась (я просто напоминаю еще раз) в том, что в 56-м году Китай отказал нам в поставке олова, и мы попали в тяжелейшее положение. У нас были незначительные месторождения в Якутии, а хороших месторождений не было. Поэтому была проведена большая геологическая работа по анализу всех материалов, и она показала, что в отрогах Мяо-Чана, (в переводе с китайского «Черные горы»), имеются все геологические предпосылки для возможности открытия оловорудного района. Оловорудных месторождений точнее. И началась кипучая работа. Начали строить поселки, этим занимался весь инженерно-технический. Я себе строил дом с топором в руках. Строили жилье, после начали создавать строительные бригады. А в этот период разведка велась усиленным темпом!

Ю.С.: Финансирование все было Мингео?

Е.К.: Финансировало, конечно, Министерство геологии РСФСР. А кто еще? Мы развернули очень серьезную работу. Финал этого дела был такой: через два с половиной года мы разведали Солнечное месторождение. Нас поднимали на щит, что мы сделали великое дело! Но, проводя геологическую работу на месторождении, мы начали заниматься геологическими исследованиями регионального плана. У нас было примерно двадцать поисковых партий, которые делились на партии полумиллионного масштаба и партии пятидесятитысячного масштаба, небольшие, которые работали в окрестностях известных рудопроявлений. И мы получили очень неплохие перспективные результаты. В течение пяти — семи лет мы открыли пять оловорудных месторождений.

Ю.С.: Вы были главный инженер. А с геологами какие отношения были?

Е.К.: Нормальные. У нас главным геологом был Онихимовский Вадим Викторович, очень серьезный

геолог. В дальнейшем он защитил докторскую диссертацию и очень хорошо работал. Подбор кадров был очень хороший, я бы сказал — блестящий. Начиная с водителя, который перевозит людей по этим крутым сопкам наверх, где он сорок пять — час двадцать пробирается по проложенным временным дорогам и везет людей на смену. Там забирает смену, которая закончила ночную работу, привозит ее вниз и так далее. Я их до сих пор помню, два водителя — Рахманин и Никитин. Это вам пример того, как работают. Это изумительные водители, которые на тяжелой машине выполняют эту тяжелейшую работу. Не дай бог, эти пятнадцать — семнадцать человек слетят вниз в пропасть! Конечно, костей не соберешь! Это тяжелая работа! Работало пять штолен — горные работы, работало порядка двадцати — тридцати буровых станков.

Ю.С.: Снабжение, техника.

Е.К.: И мы начали потихоньку, когда закончили Солнечное месторождение, работать на Фестивальном месторождении, второе по запасам. Одновременно работали на Перевальном, одновременно мы вели работы на Снежном — это перспектива.

Ю.С.: Это все по касситериту, оловянные?

Е.К.: Оловянные и полиметаллы. Это касситеритовые месторождения. И вся эта огромная плеяда, которая работала, понимаете, была молодежь. Постепенно решали проблему энергетики. Работали чехословацкие электростанции «Шкода» — три — четыре станции «Шкода». На Гари когда-то работали двенадцать танковых дизелей В-2-300. Эти дизеля обеспечивали так называемую гору. А внизу Гари работали паровые станции «Ланги», П-75, СК-125 и так далее. Это все паровые станции, которые обеспечивали механические мастерские, поселок и так далее.

Инженерный уровень подготовки работ и вспомогательные работы в значительной степени относились к нашему главному механику. П.Н. Добродеев — замечательный человек! Приходишь на станцию ночью — ведь главному инженеру часто приходится по объектам ездить на пересменки, я подъезжал к электростанции все в огнях. Сидит Купченко, начальник электростанции, и главный механик, и чем занимаются? Шлифовка коленвала «Шкода». Это ювелирная работа! Они выполняют эту работу вручную, что вообще немыслимо, откровенно говоря! Он говорит: «Слушай, шеф, я что, сейчас отдам это дело куда-то на Амурский завод, туда в Комсомольск потащу? Станция стоит! Если у меня сегодня встанет еще один, два „Шкода“-агрегата, мы же останемся без электроэнергии. Механические мастерские и так далее». На вопрос к П.Н. Добродееву: «Петр Николаевич, как у тебя дела? — Нормально». Вот за этим «нормально» стоит вся работа, которую он проделал, без болтовни, без скрипа, без разговоров. Я хочу отметить, что вот эта организационная часть, она очень много стоила.

Ну, и мы, руководство, я думаю, не дремали, потому что, понимаете, постоянно в экспедиции издавалась радиогазета. Последние новости по экспедиции: где, что, к чему, кто впереди, кто сегодня лучше набурил, кто выполнил план, кто провалил план, и так далее, и так далее. Вплоть до каких-то дел, которые происходят в школе у нас, в детском саду. Вот на добрых каких-то началах, на энтузиазме выходила эта газета. После, когда мы ее записывали на магнитофон, мы отправляли ленты в наши партии и вокруг, и те могли прослушать последние новости по экспедиции. Это как-то цементировало людей, и каждый раз мы им рассказывали, что мы сделали для выполнения задачи.

Ю.С.: А кто должен был утверждать — парторг?

Е.К.: Никто. Никто, абсолютно. Никакого контроля не было. Это какая-то глупость, когда говорят о контроле. Во-первых, я хочу вам сказать, что не стоит забывать, что геологическая организация — это изолированная организация. Там самый большой судья — начальник экспедиции. Вот он — «царь, бог и воинский начальник». Сегодня кто-то подрался, кто-то ударил жену. Вечером к нему бегут. И ты, хочешь — не хочешь, должен подняться, пойти туда и решать их семейные вопросы. Понимаете?

Когда я был уже министром геологии, вдруг как-то вызвали на секретариат для разговора. Секретариат ЦК. И разговор шел о том, что это за линия у министра: последнее время очень много геологов пошло на партийную работу. Что это за линия, что это за внедрение геологов на партийную работу? Я на это

ответил очень просто. Я сказал: «Во-первых, давайте посмотрим на содержание работы. Я считаю, что самые хорошие руководители, которые болеют за коллектив свой, это руководители геологической партии или экспедиции. А куда пошли? Секретарями райкомов: вторым секретарем, первым секретарем райкома, в областные комитеты партии пошли. Их привлекли. Они теряли даже в деньгах, но их привлекали. Почему? Потому что они лучше знали нужды людей и умели работать с коллективом.

Ю.С.: Лучше не найдешь, да.

Е.К.: И лучшего руководителя не получается. Ему не надо ничего рассказывать, он сам всё знает. У него методы взаимоотношений отработаны его жизнью, притом в труднейших условиях. Я думаю, что это в значительной степени как-то отцементировало наш коллектив. В будущем, став министром, я организовал социологическую группу в ВИЭМСе, в институте. И дал поручение социологической группе — изучить браки в геологии. Я имею в виду не тот брак, который мы чаще допускаем, а нормальный брак — супружество. И вы знаете, интересный вывод: оказалось что самое малое количество разводов в геологии. Самое малое! И возник вопрос: «В чем дело?» Начали предлагать разные версии, и я говорю: «Ребята, мы должны сделать единственный вывод! Они вместе пережили трудности, геологические трудности! А тот, кто переживает эти трудности вместе, довольно редко расходятся! И мужчины, и женщины». К этому же: жена нужна после этого та, которая скажет: «А помнишь?» И вот это определяло в значительной степени мужскую линию поведения. Он и она видит надежность каждого. Вот такая штука! Но без вывихов в жизни ничего не бывает.

Через пять лет примерно (я работал главным инженером) меня назначают начальником Комсомольской экспедиции. Начальник экспедиции Калиниченко Александр Харитоныч уезжает. Он был в возрасте уже и ему хотелось где-то обосноваться. Он уезжает на Украину с семьей. Я отказывался от должности начальника экспедиции, просто не хотел быть начальником.

Ю.С.: Почему?

Е.К.: По одной причине: потому что я не люблю слово «начальник». И никогда не хотел, чтобы у меня в трудовой книжке было записано «начальник». Не люблю этого слова.

Ю.С.: Слово словом, а чтобы что-то делать...

Е.К.: Нет. Это, между прочим, среди технического персонала тогда существовало.

Ю.С.: Да?

Е.К.: Да. И многие главные инженеры считали для себя оскорбительным быть «начальником». Он занимается своим делом, предан этому делу, он его знает. Зачем ему еще дополнительная нагрузка. То есть, понимаете дело в чем? Эта дополнительная нагрузка «людей» как раз настолько утяжеляла работу, что он отходил от главной технической работы, на которую, как он считал, предназначен.

Я пять лет был начальником экспедиции. Завершилась разведка основных месторождений — мы получили Ленинскую премию. Это была оценка нашего труда!

Ю.С.: Немного об этом периоде?

Е.К.: Об этом периоде что можно говорить? Работа есть работа. Мы когда закончили разведку Солнечного и «создали» предпосылки для открытия новых месторождений. В Хабаровском крае мы получили Ленинскую премию: я, главный геолог, заместитель главного геолога, начальник группы партий Бакулин — прекрасный геолог, получил ряд ученых, получил Ярмолюк. Получили и ордена, а главному геологу Онихимовскому было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Ю.С.: Кто это был?

Е.К.: Толковейший геолог Онихимовский Вадим Викторович. Получили награды проходчик Гордейчук — бригадир проходчиков. Я получил Трудового Красного Знамени.

Ю.С.: Сколько вам тогда было?

Е.К.: Тридцать лет.

Ю.С.: Вот это да!

Е.К.: Да, где-то уже было тридцать — тридцать пять. Вот так. Но когда идут «наградные дела», мы очень старались награждать людей отраслевыми наградами. За нами очень следил краевой комитет партии. Мы все-таки были на острие! Начал строиться комбинат, появились две обогатительные фабрики по нашим следам. Кстати,

” геолог редко доживает до того, что по его следам появляется такое строительство. У нас же появился город Солнечный, притом отстроенный на наших глазах. И это стимулировало людей! К геологам относились с огромной благодарностью, прекрасно понимая, что они сделали для Хабаровского края.

А после этого я решил перевести управление экспедиции, поскольку мы рассредоточились по всему Мяо-Чану (это отроги Баджалского хребта) в г.Комсомольск-на-Амуре. Мы решили: все-таки люди начинают стареть, семьи стареют, вырастают дети. И мы решили в Комсомольске построить два дома, а после еще два дома. И перевели основной состав ветеранов в Комсомольск-на-Амуре.

Мы были победителями во всесоюзном соревновании и экспедиция уже получила в 64-м, году орден Трудового Красного Знамени на знамя. В общем, у нас дела шли неплохо. Для тех, кто любил сельскую жизнь, мы построили поселок под Комсомольском-на-Амуре, сельского типа — сельского типа, но школа и музыкальная школа была.

Ю.С.: Начальником [Комсомольской] экспедиции вас ведь уже назначало Мингео, коллегия?

Е.К.: Нет, я был подчинен Министерству геологии РСФСР, но как головная организация — Мингео СССР, и я мог в любое время появиться в Москве и «левой ногой» зайти к министру.

Ю.С.: То есть, какие отношения были с «верхом»?

Е.К.: Отношения? Отношения были блестящие. Не забывайте, что это была организация, которая держала знамена Совета Министров, ЦК КПСС и так далее. Организация, награжденная Трудовым Красным Знаменем. Это была редкость по тем временам! Но самое главное, что руководство, специалисты, министерство прекрасно понимали, что мы делаем, что мы вносим в копилку минерально-сырьевой базы. Понимаете? Это очень серьезно!

Работа в Министерстве геологии

Ю.С.: Начальником [Комсомольской] экспедиции вы сколько пробыли?

Е.К.: Начальником экспедиции я был пять лет. В целом, я провел на Мяо-Чане, десять лет и два года на Гари. Но судьба складывалась независимо от меня. Вдруг в одно время меня пригласили в Москву и сказали: вам надо переходить в Мингео РСФСР начальником технического управления.

Ю.С.: Министерства?

Е.К.: Министерства Российской Федерации. Начальником технического управления я был семь лет.

Ю.С.: Солидно.

Е.К.: Притом через два года меня назначили членом коллегии, я был членом коллегии и начальником

технического управления. Вся тематика по техническому прогрессу относилась ко мне: финансирование, планирование, получение результатов и так далее.

Ю.С.: Это какие были годы?

Е.К.: Это был 65-й год и вот до 74-го, по-моему.

Ю.С.: А про этот период что-нибудь, все-таки это совсем другой уровень работы.

Назначение директором ВИЭМСа. Выполнение институтом поручения ЦК КПСС

Е.К.: Это другой уровень работы. Это техническое управление, где проходит научно-техническая тематика вся, тематические работы, где проходит планирование научно-технического прогресса. Проходит время, семь лет, меня вызывают в ЦК партии и заместитель отдела тяжелой промышленности ЦК КПСС говорит: Евгений Александрович, у нас принято решение, вам надо возглавить головной институт — Всесоюзный институт экономики минерального сырья и геологоразведочных работ.

Ю.С.: ВИЭМС.

Е.К.: ВИЭМС, да. В ВИЭМСе тогда очень тяжелое положение было, он размещался практически в пятидесяти четырех местах (в основном, в подвалах). Института как такового никто не видел. Я начал отказываться. Я говорю: «Я сижу на своем месте, занимаюсь работой». Я не хотел быть директором головного института, но это номенклатура ЦК! К беседе примкнул первый заместитель заведующего отделом тяжелой промышленности И.П. Ястребов и говорит: «Слушай, пойдем, что мы разговоры ведем. — Куда мы идем? — К секретарю ЦК. — Зачем? — Так директором института тебя назначаем. — Я не хочу! — Слушай, не надо. Ты пойми нас. Порядок есть порядок, партийный. Хочу — не хочу, приказано, значит приказано». Приходим к секретарю ЦК, Долгих В.И. — только недавно избранного. Он задает вопрос: «Ну что, вы идете с удовольствием?» Сопровождающие меня сразу пригнулись. Я говорю, что «товарищи так долго со мной говорили, что их желание стало моим». Он говорит: «Ну, ладно, раз уж такой тонкий вопрос, тогда мы на эту тему говорить не будем. Мы вас утверждаем, рекомендуем вам нормально взяться за работу. Не беспокойтесь, мы думаем, что получится».

Ю.С.: Директор института ведь уже доктором должен быть?

Е.К.: Я уже докторскую защитил.

Ю.С.: А когда?

Е.К.: Кандидатскую я защитил, еще работая на Дальнем Востоке. А докторскую защитил, работая начальником технического управления. И я возглавил институт. Перевернул всю работу от начала до конца, перекрутил, переделал, выделил тематику. Вышло постановление ЦК КПСС и Совета Министров «О повышении эффективности геологоразведочных работ». Я пришел к заместителю министра Игревскому и говорю: «Валерий Иванович, давайте головной институт сделаем ответственным за выполнение поручения ЦК». Так и сделали.

И мы приняли на себя всю вот эту тяжелую миссию. Научный наш состав был как мог. Никому не хотелось вдумываться в эту сложную проблему, откровенно говоря. Мы всё же раскрутили проблему, но с большим трудом. Один из ученых известных, профессор Н. Хрущёв на ученом совете выступил: «Вот наш директор предлагает разные варианты: то большую комиссию по реализации проблемы, то малую... Что касается меня, я отхожу в сторону от этой проблемы». И сошел с трибуны. Я рявкнул: «Профессор, вернитесь на трибуну, разговор только начинается. Вы сказали „отошли в сторону“. Вы сошли в сторону в звании доктора наук и профессора. Неужели вы думаете, что я вам прощу отказ активно участвовать в реализации задания институту? Ваше поведение, во-первых, будет рассмотрено особо, а во-вторых, если вы уйдете — уходите совсем!» Он ко мне заходит после этого: «Прошу извинить, так получилось». Я говорю: «Николай

Александрович! Так не пойдет работа! Ты выступишь на очередном ученом совете и попросишь извинения у людей. Ты мне деморализовать людей не будешь!» И он понял. И, между прочим, все притихло, встало на место. Институт начал повышать свою эффективность, пошла работа.

Назначение заместителем министра и министром геологии СССР

Через два года меня вызывают опять в ЦК. Вызывают в ЦК, и сидят те же люди: «Евгений Александрович, есть предложение: тебя переводим заместителем министра». Я говорю: «Не хочу. Зачем мне надо это. Я привык в институте, пошла работа, идет дело нормально. Я пришел к выводу, что могу сидеть до конца дней своих здесь». А я баллотировался на профессора. Меня вызвал к себе заместитель министра по кадрам А. Рясной и говорит: «Евгений Александрович, мы вам не советуем баллотироваться, мы вас изберём в профессора в другом институте. Вас могут забаллотировать, для директора института это плохо». Я говорю: «Я специально ставлю вопрос баллотироваться именно здесь...»

Ю.С.: В ВИЭМСе?

Е.К.: В ВИЭМСе, да. И всё, пошло. Тайное голосование — единогласно. Заместитель министра мне сказал: «Ничего не понимаю». Я говорю, что вот сейчас могу работать спокойно, потому что мои ребята, многие из них, могли навредить, но не стали мелочиться, не стали заниматься ерундой. Значит правильно определили главную линию директора. Вот и всё! Я думаю, это сыграло какую-то роль! И вот опять через два года эти люди в ЦК опять сидят со мной. Мне говорят: «Надо идти заместителем министра».

Ю.С.: Союзного?

Е.К.: Да, союзного министерства — Мингео СССР. Я говорю: «Ради бога, я прошу, не трогайте меня. Дайте мне хотя бы поработать четыре—пять лет». Ответ: «Нет, сейчас ситуация сложилась другая». И после этого опять: «Ну, пошли». Ответ: «Куда идем?» Тем же путем идем к секретарю ЦК. Приходим к секретарю ЦК, идет беседа...

Ю.С.: Долгих опять?

Е.К.: Да, В.И. Долгих. Идет беседа опять такая же: «Ну что, давайте, беритесь». Всё идет нормально. Проходит примерно год — уходит А.В. Сидоренко — министр СССР. Разные причины были.

Ю.С.: Он недолго был.

Е.К.: Нет, он был десять лет! Разные причины. Но я не хочу останавливаться на них. Как я понял, раскладка у них была другая. Они хотели, судя по всему, назначить министром Щеглова, профессора. Это хороший очень геолог, толковый человек. Я к нему очень хорошо отношусь, но, понимаете, при рассмотрении кандидатур кто-то тогда, по-моему на Политбюро, сказал такую вещь: «Ну, а что Щеглов? Он директором института был, ВСЕГЕИ. А что толку, разговор-то идет о другом, об управлении отраслью. Отрасль надо знать, прожить с ней с низов. Давайте их поменяем местами». И явно из послужного списка — меняют нас местами. Меня вызывают, беседуют, знакомятся и т.д. Мне запомнился так, в порядке шутки, разговор с А. Кириленко — секретарём ЦК КПСС. Он уже был в возрасте, чувствовал себя не очень, наверное, хорошо. Встретил меня и говорит: «О, я так тебя и представлял! Молодой, доктор, профессор, Дальний Восток прошел, лауреата за дело получил. Кому еще, как не тебе возглавлять!» Ну, и после пошел на доверительную беседу. Рассказал, как его когда-то назначали секретарем обкома. Хорошая беседа была!

И вдруг он меня спрашивает: «Слушай, у меня вопрос: а как у тебя с выпивкой?» Меня черт дернул, и я говорю: «С колена, лежа, стоя». Он открыл рот и не знает, что сказать, а после тихонько говорит: «Ну, надо аккуратно».

Ю.С.: (смеется).

Е.К.: «Надо аккуратно». Я думаю, он сделал вывод правильный. Ну, а из всего того, что я сейчас говорил — эти годы на посту министра, я вам хочу сказать, испытание тяжелейшее. Тяжелейшее! Сидоренко А.В. перед уходом с поста очень правильно понял многое. Мы с ним распили бутылочку коньяка, он меня поздравил с назначением и говорит: «Евгений Александрович, я считаю, что у тебя лучше получится, чем у меня. Ты пойми философию геолога-полевика, геологи меня не воспринимают — производственники. Я на производстве не работал. Я из Академии наук, поэтому отношение ко мне довольно сложное. А ты пропахал всю лесенку, коллективы тебя лучше воспримут». Я, конечно, говорю: «Александр Васильевич, не надо трагедии строить. Я знаю отношение к вам геологов, знаю, как высоко ценят вас как нормального человека, участника войны и человека, который много сделал для геологии». Он говорит: «Нет, пройдет время — ты поймешь». Он где-то был прав.

Ну, пошла тяжелейшая работа, тяжелейшая, я вам хочу сказать. Мы затеяли...

О результатах работы на посту министра геологии

Ю.С.: Что, грубо говоря, самое главное, что вы хотели, когда стали министром?

Е.К.: Я хочу начать с конца. Когда мы говорим об этом, возникает вопрос, сразу один единственный. Если говорить откровенно, каждый, кто сел в кресло министра, я считаю, обязан отчитаться за свою работу перед уходом. И он это должен сделать капитально! Тогда можно сказать, что он работал и как работал. Так вот, прошло время, где-то четырнадцать с половиной лет как я был на посту министра, я попросил наши статистические органы министерства дать мне ответ, что произошло за этот период. В 12-й пятилетке, в среднем, в сравнении с 8-й, существенно улучшились показатели. Прирост запасов по всем видам полезных ископаемых вырос в 2 раза. Вырос объем геологоразведочных работ в 3,8 раза, при этом за счет капитальных вложений в 7,1 раза. Объем глубокого бурения на нефть и газ в 2,6 раза. Коммерческая скорость в 1,8 раза. Строительно-монтажные работы в 4,8 раза, в том числе хозяйственным способом в 6,7 раза. Временное строительство и обустройство в 5,1 раза. Реализация промышленной продукции в 3,7 раза. Основные производственные фонды увеличились в 4,5 раза. Вот и результат!

Ю.С.: Понимаете, это в конце...

Е.К.: Это деятельность.

Сейчас как-то не принято отчитываться за выполненную работу. Посидел и ушел. Что он сделал, как он сделал — черт его знает! И большинство из них оказываются где? В кресле помощников президента!

Ю.С.: Да это всё сейчас... ерунда.

Е.К.: Вот вам и подходы. Понимаете дело в чем, когда приходит министр, он должен в первую очередь выстроить ясную политику. Что ты хочешь сделать?

Ю.С.: Вот об этом и речь.

Е.К.: Если он нечетко излагает свои мысли и стратегию развития — никогда ничего не получится, понимаете. Поэтому первая и главная задача заключалась в одном: серьезно укрепить аппарат сведущими людьми. Первое, что я сделал, привлек порядка двадцати одного человека в аппарат. Промыслов [председатель Исполкома Моссовета] написал на меня бумагу в Секретариат ЦК о том, что я завожу людей, хотя их можно найти в Москве, а я завожу людей с периферии. Это было через три года после моего назначения. Он где-то был прав, наверное, с его точки зрения. Но когда на Секретариате начали разбираться, я предложил: «Дайте я вам расскажу, кого я завез. Я завез людей, которые восемь лет как минимум проработали в поле. Эти люди в ранге главного геолога экспедиции или главного геолога партии. Эти умеют обобщать материал и анализировать, делать выводы. Второе, я завез людей, которые имеют кандидатские или докторские степени, люди склонные к серьезным научным обобщениям и выводам. И рассадил их заместителями начальника управления или начальниками управлений.

И в целом у меня сложился очень хороший аппарат. Этот аппарат, как правило, имел свои особенности работы. Я поставил вопрос так, что начальник управления отвечает (единственный человек!) за то направление, которое он ведет. Не заместитель министра, а он отвечает в первую очередь, и с него спрос повышенный. Он обязан разрабатывать, анализировать и давать пример всему, что он реализует. Заместитель министра только контролирует его работу. Он, как правило, является руководителем специального целевого совета, который рассматривает эту проблему в целом. Решение, принятое начальником управления и научным сообществом по этой проблеме — специалистами, не имеет права отменять заместитель министра. И — министр. Мы серьезно развили аналитическую работу по сырьевой базе, начали, откровенно говоря, искать новые пути и остановились на нескольких проблемах. Первая — глубинное исследование недр и сверхглубокое бурение. Мы начали развивать программу, заложили новые сверхглубокие скважины. Плюс ко всему, мы начали проводить геофизические трансекты длиной три—пять тысяч километров. Они как правило, были привязаны к глубинному геологическому разрезу. Таким образом, мы уточнили сейсмические данные по глубинному исследованию недр. Мы стали творчески пересматривать специальные программы, которые давали возможность получения новых материалов.

Второе. Я, еще начальником техуправления Мингео РСФСР, для того, чтобы лучше разбираться в вычислительной технике, закончил двухгодичный факультет, двухгодичный институт по вычислительной технике и математическим методам. Мы очень серьезно развили внедрение вычислительной техники, геофизические организации, как правило, стали центрами обработки геологической информации.

Наша основная цель заключалась в следующем:

” самое худшее положение, о котором можно говорить в геологии, первичная документация. С нее начинается вранье. Человек, который приходит и садится на первичную документацию, как правило, человек, только что закончивший институт, техникум. Уровень его знания трудно определить.

Он приходит и с помощью какого-то геолога, более опытного, набирается знаний. Но его никто не контролирует. Таким образом мы допускаем в первичную документацию искажения в самом начале. Поэтому вопрос встал о том, что надо немедленно создать систему: работает документатор, снимает все необходимые данные, кодирует в необходимом варианте сбрасывает их в обрабатывающие центры. В обрабатывающих центрах по специальным программам идет корректировка данных, и они возвращают ему назад все эти данные. И геологу становится легче работать. Он тогда чувствует и помощь сверху, и возможность подкрепить свои знания на базе собственного материала.

Ю.С.: Я не совсем понимаю. Первичная документация — это же разрезы, обнажения, керн. Собственно говоря, это и есть первичная документация.

Е.К.: Нет.

Ю.С.: А что тогда понимается под первичной документацией?

Е.К.: Я еще раз говорю: первичная документация заканчивается не тем, что вы задокументировали в канаве или на буровой. Она заканчивается тогда, когда она участвует в обобщении стратиграфического разреза. Вот там она заканчивается. А если цепочка начинается с неправильной документации, проведенной в канаве, на скважине и так далее, значит страдает и все остальное.

Ю.С.: Ну, естественно.

Е.К.: Это естественно, но не очевидно. Очевидно это стало тогда, когда заработала система, понимаете? Вот тогда стало по-другому! Особенно это касается дорогостоящих сверхглубоких скважин.

Ю.С.: Это пять, семь, восемь километров?

Е.К.: Нет, это все скважины свыше семи километров. Пять километров — это промышленная скважина. И все это дело объединилось в одну систему — систему глубинного исследования недр — которая называлась система «Глобус». На 27-м Международном геологическом конгрессе мы впервые объявили о том, что пробурили Кольскую сверхглубокую скважину и установили мировой рекорд. Раскрыли сообществу геологов весь материал. Очень много говорят, что мы засекречивали его. Никакой секретности не было, просто не допускали на Кольскую сверхглубокую, мягко говоря, экскурсии любопытных.

И после, когда мы объявили об этом и я выступал с программой глубинного исследования недр, надо сказать, геологи в мире ахнули. Впервые поняли, что да, что-то надо делать. Мы выпустили специальные книги о Кольской сверхглубокой, мы выступали с докладами в ЮНЕСКО и других геологических форумах. И система получила одобрение. Это первое. Второе. Мы ежегодно представляли Правительству анализ минерально-сырьевой базы мира. Мы создали специальную группу из очень хороших специалистов, которая анализировала состояние минерально-сырьевой базы мира. Главная цель — выводы для Советского Союза.

Ю.С.: Это ВИЭМС делал?

Е.К.: Да какой ВИЭМС! Я вам говорю, была специально создана группа.

Ю.С.: Это закрытые все материалы были?

Е.К.: Абсолютно закрытые материалы и выводы для Советского Союза. Я издавал собственную брошюру — она выпускалась в тринадцати экземплярах и передавалась в Политбюро и в Совет министров. Таким образом, мы постоянно следили за тем, что происходит в мире и определяли какие вытекают задачи. Для страны исходя из мирового опыта.

На 27-м Международном геологическом конгрессе мы очень много подняли новых вопросов. Одним из таких больших вопросов был «Геология и окружающая среда». Я хочу сказать, что мы впервые поставили вопрос о том, что проблема геологии в окружающей среде является определяющей, что геолог, как никто другой, может лучше определять проблемы охраны окружающей среды. Геолог с его восприятием действительности, с его восприятием геологии, с его восприятием Земли и мира. Ему более сподручна эта проблема. Мы приняли на себя тогда главные проблемы, которые были связаны с решением этих дел.

ЮНЕСКО предложило мне провести программу планирования городов, программу охраны окружающей среды города и строящихся предприятий. Мы провели огромную работу, привлекли геологов Соединенных Штатов Америки, Германии, Швеции, Голландии и др. и выпустили монографию. И плюс

ко всему вышла большая монография по результатам работы «Оползни и сели», поскольку проблемы эти болевые в мире. Мы с помощью указанных коллег смогли создать монографию, которую тоже выпустили.

Но самое главное, наверное, в том, что мы очень серьезно занялись техническим перевооружением. Во-первых, у нас существовало восемьдесят научно-производственных объединений. Восемьдесят! Из которых пять являлись головными. Вот эти пять головных предприятий определяли политику министерства, на их совести лежало всё: от отработки стратегических и региональных работ до специальных работ, проводимых в гидрогеологии, созданию технических средств и т. д.

Ю.С.: Что это за пять предприятий?

Е.А.: Ну, это ВСЕГЕИ в первую очередь, во-вторых, «Гидроспецгеология», это ВСЕГИНГЕО, СКБ.

Ю.С.: ВИМС, наверное?

Е.А.: ВИМС, конечно. Они определяли большую политику, в первую очередь, по урану. Второе. Рангом ниже в каждом объединении была своя аналитическая группа. Мы внедрили опытно-методические партии, которые должны были создавать методические подходы в секретных условиях на базе отработки указанных выше стратегических проблем. В головных, крупных регионах мы создали территориальные институты, а это дало возможность привлечь к работе геологов, наиболее трудоспособных, с огромным опытом, которые занялись обобщением материала.

Механизм постановки государственных задач

Ю.С.: Евгений Александрович, одну секунду. Грубо говоря, ведь ваше начальство в ЦК и Политбюро на самом деле мало что понимали в этой ситуации.

Е.А.: А зачем им понимать? Они доверяли министрам-профессионалам.

Ю.С.: Стратегии, стратегические задачи, главные, они же исходили от вас практически. То есть, вы там о них докладывали. Что от вас хотело начальство сверху? Ну, начальство хотело, как всегда, нефть там, газ. Что оно хотело?

Е.К.: Нет, нет, нет, ни в коем случае! Я еще раз вам говорю, вы не понимаете эти проблемы! Достаточно принятия решения о перспективах развития.

” Принимается решение съездом. Там оговорено всё. Главные задачи перед геологией поставлены обязательно, перед сельским хозяйством и так далее. И им не надо ни во что вмешиваться! Они никогда не мешали работать, между прочим.

Ю.С.: Замечательно.

Е.К.: Понимаете? А после этого я обязан разработать полностью программу, исходя из того, что нам дано предписано постановление. Всё!

Ю.С.: Само это задание, оно же исходило фактически от министерства.

Е.К.: Нет!

Ю.С.: Как нет! Кто его формулировал?

Е.К.: Нет, нет, нет.

Ю.С.: Но в ЦК работал куратор геологии Богатиков. Но не Богатиков же это формулировал?

Е.К.: Да ну, какой Богатиков! Что он может сформулировать! Формулировки все делались Госпланом. Там есть отдел геологии, он формулирует, прорабатывает проблему с нашей помощью и академией наук.

Ю.С.: А какие у вас отношения были с Госпланом?

Е.К.: Нормальные отношения. Наши специалисты работали с Госпланом, готовили материалы, обоснования. Практически это была постоянная связь и очень полезная.

Ю.С.: То есть, там был какой-то серьезный народ?

Е.К.: Серьезный? Там сидел Мирлин! Крупнейший геолог!

Ю.С.: Понятно.

Е.К.: Попов В.В. после него был заведующим отделом геологии. И они обеспечивали создание стратегических задач. Вот их задача была в чем!

Ю.С.: Они же с вами должны их были согласовывать?

Е.К.: А как иначе! Но это рабочая миссия.

Ю.С.: Понятно. Так это и есть самая основа как бы...

Е.К.: Нет, нет, нет! Не это основа. Основа одна — цепочка. Вот эта цепочка и есть основа.

Ю.С.: Хорошо, основа — цепочка, но начало этой цепочки — это согласование стратегических задач, фактически так? От вас ведь зависела формулировка этих стратегических задач? Мы все читали постановления Съездов... это всё...

Е.К.: Как иначе? Да не могло быть иначе!

Ю.С.: Это самое интересное.

Е.К.: Да ничего интересного нет. Не запутывайте проблему, не надо.

Ю.С.: Министр, вообще говоря, он потому и министр, что способен эти стратегические задачи [формулировать]... один министр — одни, другой министр — другие. Как вы их видели? Они же зависели от вашего взгляда на жизнь, на отрасль, на страну. Ведь это же так? Вы ведь там не были чиновником, вы же были лидером.

Е.К.: Чего вы добиваетесь, я не понимаю. Я чувствую, что вы — человек, имеющий отношение к этим проблемам. Вот это я чувствую.

Ю.С.: Да конечно. Я имею в виду одно. Грубо говоря, сейчас ощущение в геологии кризиса. Тогда ощущения кризиса не было, было ощущение, что нормальная ситуация. Одного, другого не хватает, но есть отрасль, есть министр нормальный. За мою жизнь нормальный министр — это вы. Для всех моих однокашников-выпускников нормальный министр нашей геологической жизни были вы. Дальше был развал, все ушли. Как это происходило? Что вы задавали отрасли?

Е.К.: Давайте еще раз вернемся. Значит, когда готовились партийные документы, работала группа Госплана, Центрального Комитета партии и так далее, которая компоновала задачу промышленности и отрасли. В этой отработке материала участвовали и наши представители. После того, как была создана в концентрированном варианте изложена задача, которая стоит перед нами, детали разрабатывались Госпланом и министерством.

Ю.С.: Понятно.

Е.К.: И после того, как они разработали и всё это дело решили, это воплощалось в мероприятия

Министерства геологии. Всё. Вот такая штука. Понимаете?

Ю.С.: Понятно. А потом она померла.

О проблемах государственного руководства и российской геологии

Е.К.: Ведь вся беда заключается в одном, что в руководстве и страной и государством должна быть четкость взаимопонимания.

” Я упрекаю нынешнее руководство и президента, между прочим, в том числе, в одном: он не может нам ответить на вопрос: «Какую страну мы строим?» Это не такой простой вопрос! Какое общество мы создаем? На что мы ориентируем людей? Какая политическая суть, какая философия развития?

Ю.С.: Для чего мы работаем вообще?

Е.К.: Какая философия развития? И почему это надо. Потому что сзади должна идти сегодня стратегическая линия экономического развития. Там должны определяться приоритеты, а по этим приоритетам дальше разбросаны деньги. После этого разговор должен идти о том, какая результативность этого всего дела, и что мы, в конце концов, получим для повышения уровня жизни народа. Никто на этот вопрос не может ответить! Понимаете? Но самое главное, они не могут ответить по той причине, которую я называл выше: потому что у них нет вот этой сквозной линии-цепочки при подготовке документов и при реализации их. И ещё — отъявленный непрофессионализм! Вот и всё. Отсюда все беды наши сегодня. Не говоря о коррупции, об остальных делах, и так далее.

Ю.С.: Это следствие всё.

Е.К.: Да. Поэтому я хочу еще раз подчеркнуть, — технический прогресс. Когда мы говорим о научно-производственных организациях, не надо забывать, что в научно-производственной организации, которая отвечает за территорию полностью, есть собственные обобщающие органы, есть органы, реализующие намеченные мероприятия и есть финансирование устойчивое. Всё. И главный вопрос — кадры. Мы в тот период не испытывали в кадрах никакого дефицита, никакого. Если мы хотим что-то сделать, как можно без кадров? Вы знаете, что сегодня в Роснедрах нет кадров! В Роснедрах! Это основной управляющий орган геологии! Нет кадров! Можно так работать? И продолжая о техническом прогрессе хочу подчеркнуть, что мы имели хорошую «заводскую часть» — тридцать заводов, которые выпускали геофизическую аппаратуру, полевое снаряжение, полевое снаряжение специального назначения для Севера и так далее. Понимаете?

Ю.С.: Ну, ремонтные там...

Зарубежная деятельность Министерства геологии СССР

Е.К.: Это не только ремонтные, а выпуск буровых станков специального назначения. Сегодня нет ни заводов, нет ни людей, умеющих это делать. Это капитальнейшие вопросы, которые надо было решать. И наконец, последний вопрос в плане организации работ Министерства — это работа за рубежом. Мы работали больше чем в сорока странах. Эта работа, я считаю, была одной из основных и довольно интересных и результативных. Но к сожалению, страна не смогла использовать результаты деятельности для своей пользы. Как-то один французский геофизик в Алжире на одном из приёмов сказал: «Господин министр, я хочу вас поздравить с Вашими работами за рубежом. Геологи работают очень устойчиво, капитально. Но когда вы что-то найдете, прежде чем вы согласуете все свои вопросы в Госплане,

я получаю лицензию простой взяткой и решаю все проблемы на месте. Надо знать специфику страны». Он был в чем-то прав.

” Я когда-то один из первых появился на месторождении алмазов «Катоке» (Ангола). Не глядя на то, что «Катока» тогда была занята Савимби, противником Душ Сантуша, мы договорились, и пропустили мой самолет. Я вернулся и написал бумагу в Политбюро: «Прошу разрешить создать мне предприятие на „Катоке“...» Мы могли бы получить огромнейшую прибыль по тем временам. Но на моем предложении было написано: «Занимайтесь своим делом», то есть «не суйтесь». И так бывало не один раз.

Ю.С.: Насколько я знаю тех, кто в ВНИИЗарубежгеологии работал, это всегда хорошие геологические работы, всегда за наши деньги, а дальше, собственно говоря, ку-ку.

Е.К.: Ну, как «за наши деньги». Выделялся кредит с условием погашения в определенные сроки

Ю.С.: Погашения не было.

Е.К.: Я бы не сказал. Это смотря какая страна. Не во всех странах. Были страны, которые погашали кредит и неплохо погашали. Были те, которые просто не могли погасить кредит, у них другое настроение было, другие подходы совершенно. Тут ничего не сделаешь. Когда мы говорим о месторождениях, допустим, меди, у нас были возможности улучшить положение дел. Юг Урала по этому полезному ископаемому истощается. Вот тот же Афганистан, возьмите месторождение Айнак. У него запасы: одиннадцать миллионов тонн по меди. Крупнейшие запасы, содержание около двух процентов, по-моему, то есть высочайшее содержание меди. Интереснейший объект, но... политическая обстановка мешает реализовать намерение. Я в Афганистане был много раз, и каждый раз думал о том, что «запустив» горное предприятие мы могли бы компенсировать наши затраты в значительной мере.

Ситуация в нефтегазовой отрасли

Ю.С.: Понятно. А вот скажите, к нефти и газу вы имели отношение?

Е.К.: То есть как?

Ю.С.: Ну, как. Ну, это же, собственно говоря, стало потом единственно главным. Нефть и газ. Труба.

Е.К.: Нет, что значит «имели отношения»? Все запасы, которые имеются по газу и по нефти, — запасы, созданные нами.

Ю.С.: Так о том и речь. Вы представляете... нет, то, что я это вам говорю, глупо звучит. Но это же невысказанно тяжелые условия труда. Невысказанные затраты. Чтобы создать эти запасы, это же...! В мире такого не бывало. Какой-то совершенно невысказанный труд, громадный! И потом приходят люди и говорят: «Теперь это наше». И вы больше не нужны.

Е.К.: Понимаете, дело в чем. Во-первых, давайте определим, о чем мы говорим. Первое, я хочу сказать, что

запасы наши истощаются. Обводнённость сегодня всех месторождений составляет почти 80%, это критическая цифра. Дебет скважин составляет десять тонн в сутки. Ровно двадцать лет назад он был двадцать тонн в сутки.

Совершенно была другая экономика. Сегодня экономика сложнее, но дело не в этом. Такая организация, как «Газпром», она действует по старым их правилам. Как там? «Газпром» — достояние народа?

Ю.С.: Называется так.

Е.К.: Но ведь «Газпром» очень эффективно продает все, что мы имеем. Эффективно. Но откуда у «Газпрома» такой долг сейчас? Его обанкротить ничего не стоит. Если американцы продолжают свою политику со сланцевым газом, они ограничат явно поступление в Европу наших продаж.

То есть, я хочу сказать, что мы должны встряхнуться. Президент Медведев как-то, в старое время, сказал, что, если потребуется, мы раскупорим еще месторождение. Какое? Тюмень последнее раскупорила месторождение. Надо посмотреть статистику, и тогда понять, что происходит. А происходит то, что сегодня открывают месторождения на старых месторождениях, площадях ранее открытых. Или был плохо подсчет запасов проведен, или они сегодня подбурили где-то окраины этого месторождения. И самое неприятное, что политика должна основываться на другом. Вот вам, пожалуйста, с Дальним Востоком. Что происходит с Дальним Востоком? Мы говорим, что на Дальнем Востоке сегодня мы строим газопровод. Срок амортизации труб тридцать лет. Обеспеченность газопровода сегодня четырнадцать лет, амортизационный срок тридцать лет. Вопрос?

Государственная политика в сфере недр

Ю.С.: Скажите, пожалуйста, вот вы ушли... вы были до 89-го года министром. Дальше понятно: перестройка там, тра-та-та-та. А та политика Министерства геологии, которая сегодня, она вам понятна? Геологам она непонятна.

Е.К.: Нет, нет. Она мне непонятна, или, если не сказать грубее, понятна: она пошлая по содержанию и по проведению. И всё. Я хочу вам сказать простую вещь. Сколько, вы думаете, получаем мы с тонны добытой нефти сегодня? Государство получает?

Ю.С.: Сколько?

Е.К.: А я вам назову. Государство Ангола, несчастная, получает восемьдесят процентов с одной тонны нефти. Великобритания получает примерно столько же. Понимаете? Другие страны получают от шестидесяти до семидесяти процентов. Мы получаем тридцать четыре процента с тонны. Государство получает.

Ю.С.: Значит, государству так нужно?

Е.К.: Нет, не в государстве дело. Кто это сделал? Откуда взялись эти «миллиарды» и так далее? Вот они отсюда и взялись. Значит, вопрос возникает один: в чем дело? Дело в системе управления. Понимаете? Я понимаю так, раз вы встали на путь разгосударствления, но продайте достояние как следует, достойно! Этими днями на Ассоциации геологических организаций выступал такой Умников, который занимался этими проблемами. Он рассказал ужасную вещь, которая происходит сейчас с акционированием геологических организаций. Эту линию проводит «Росгеология». Они просто сбрасывают все материальные ценности — как можно меньше установить цену и распродать всё. Что государство получит? Что? Это политика?

Ю.С.: Это политика.

Е.К.: Политика. Поэтому я сейчас отношусь с большим скепсисом к той государственной политике, которая сейчас ведется. Не может так существовать государство. Если мы хотим его угробить, надо продолжать эту политику.

Ю.С.: Вот она и продолжается.

Е.К.: Выступление руководителей должно быть более весомым и более продуманным. Я жалею другой раз, когда слышу их выступления. И каждый раз думаю: что у тебя за помощники там сидят? Ты же должен быть заинтересован, чтобы объективно осветить вопрос! А если говорить откровенно, то надо немножко заглянуть в то, что же у нас получится в ближайшее время. Я вам хочу привести такую штуку. Вот, смотрите: газ, алмазы, никель, платина, бериллий, калийные соли, хризотил-асбест — этих видов полезных ископаемых хватит на длительный период. Второе: нефть, свинец, цинк, сурьма, олово, вольфрам, молибден, ниобий — их интенсивный уровень добычи, по-моему, обеспечен на десять лет. Всё! Дальше: марганец, титан, рудное золото, бокситы, каолиновые глины, плавиковый шпат — добыча их пока достаточна, но уровень запасов абсолютно низкий. Дальше: уран, вольфрам, цирконий, рений, стронций — разведанные запасы ограничены, но имеется возможность нарастить запасы в течение где-то пяти — двенадцати лет. Вот краткий вывод из всего этого дела. Но кто-то должен думать над этим: что же делать, ребята?

Деграция морали в современном обществе

Ю.С.: Евгений Александрович, а вот такая вещь. Вы назвали многих людей замечательных, с которыми вы работали, как вы сами работали. Ведь нельзя же сказать, что деньги были на первом месте? Интерес-то ведь был не в деньгах? Как работали геологи? На первом месте были не деньги, а желание хорошо сделать дело, интересно сделать дело, что-то открыть. Сейчас поменялась ситуация.

Е.К.: Вы правильно говорите. Когда я работал на Дальнем Востоке, как эти люди работали! И заработная плата не была определяющая! Была определяющей интересная работа.

” Когда-то мы говорили, что молодой человек, который думает только о деньгах, он морально ущербный мужик, что бы мы ни говорили. Первая и главная задача начинается с того, что я стою: я могу, я умею, я полезен. Вот оттуда начиналась вся наша работа! И это в значительной степени определяло моральный уровень кругом тебя и твой личный.

Когда говорили о деньгах, я не помню среди своих коллег, чтобы кто-то сказал: «мне не нравится». Он знал, по штатному расписанию ему положено. Он знал, что он получит, но знал, что больше не может получить, если только еще премию не дадут. Вот и всё.

Ю.С.: У вас в министерстве, в ваше время, нормальный был уровень моральный?

Е.К.: Да, я считаю, да. Вы обратите внимание, что делается. Ведь сегодня администрация президента увеличила себе оплату в два раза. Моментом сработала ниточка, уже идет разговор о правительстве. И там уже на эту тему ведут разговор. Ни один черт за все эти периоды ни разу не сказал о бедном профессоре, о бедном инженере. Никто не сказал этого. Моральный климат в прошлом был тогда значительно выше! Мы уже говорили о Великой Отечественной войне, сколько во время войны помогали друг другу. Сколько! Сколько было людей, которые действительно вытаскивали и скрывали раненых бойцов, а за партизан можно было в любой момент лишиться жизни. Но шли же на риск!

Ю.С.: Вы с Адамовичем не были знакомы? Александр Михайлович Адамович.

Е.К.: Нет.

Ю.С.: Просто он тоже мальчишкой вашего возраста был в партизанах.

Е.К.: Нет. Понимаете, всё, что происходит сейчас в стране, я оценил бы одной фразой: деградация морали, абсолютная деградация морали.

Ю.С.: Она выражается в том, что на первом месте стали деньги, так?

Е.К.: На первое место стали деньги и коррупция. Она разлагает человека и всё окружение.

Ю.С.: Это и одна сторона монеты, и вторая. Если на первом месте деньги, то с этой стороны коррупция.

Е.К.: Да, да, разлагает, абсолютно разлагает общество. Вспомните, после войны... Только закончилась война, демобилизовалось очень много народа из армии. И началось: бандитизм, грабежи и так далее. И сколько, как вы думаете, на это потребовалось? Полтора года, и всё было закончено. Всё было ликвидировано! Вы помните, что Г.К. Жуков сделал в Одессе? Когда Жуков прибыл командующим Одесским округом, он увидел, что там творится: бандюги и так далее. Он взял и в одну ночь всех арестовал и расстрелял. Наступил полный порядок. Если не наведем порядка — дело кончится плохо — я это чувствую, у меня есть опыт прошлого.

Ю.С.: Скажите, у вас ведь какие-то остались связи с геологами, которые еще работают. Какое у них настроение?

Е.К.: Что значит «работают»? Этими днями я встречался на заседании Высшего горного совета с Бакулиным Юрием Ильичом, с тем, с которым я получал когда-то Ленинскую премию. Это геолог, который прошел весь путь классического геолога от начала до конца. Он защитил кандидатскую, докторскую диссертации. На вопрос: «Юра, как там наши поживают?» Он мне ответил: «Евгений Александрович, а нету наших и не живут они». Ушло семьдесят процентов людей, с которыми мы работали. Прекрасные были люди.

Ю.С.: Ну, это возраст.

Е.К.: Это одно. Другое, почему они ушли? Из-за дикой обстановки. Люди жутко переживали то, что творится вокруг них. Они не привыкли к этому, они другого склада люди. Понимаете? Вот это беда. А как ее вылечить? Ее ведь не вылечить каким-то призывом, нужно какие-то операционные методы ввести. Поэтому, мне кажется, это все глубже и тяжелее!

Ю.С.: Да, должно быть изменение смысла существования государства.

Е.К.: Я все-таки хочу еще раз подчеркнуть: это должна быть глубоко осмысленная политика государства. Осмысленная! Вот тогда можно будет говорить о будущем. Вы вдумываетесь в то, что высокие руководители несут с «высоких трибун»?

Ю.С.: Ничего, это пиар, работа такая.

Е.К.: Что это дает? Ничего не дает! А я хотел бы, чтоб он мне ответил, что творится в экономике сегодня. Что будет завтра? Что мы получим и когда начнем жить лучше? А что творится с высшей школой? Посмотрите, что происходит. Как можно! Все мы пришли к выводу, что предыдущие руководители министерств были убогие люди. Убогие люди, понимаете? Возьмите вот этого спортсмена Трутнева, который проболтался на посту министра природных ресурсов. Пересадили в кресло помощника президента!

Ю.С.: Он стал очень богатым человеком. Вот единственное, что можно сказать.

Е.К.: Я знаю его всю историю. Я знаю, как он стал, что он стал. И мне стыдно, откровенно говоря, что он оказался на посту министра.

Ю.С.: А как могли его назначить министром геологии, ну как?

Е.К.: Его назначили министром природных ресурсов, а не геологии.

Ю.С.: Но каким образом?

Е.К.: Да образом обычным, у них другого образа нету. Они назначают так, как понимают процесс? Они ведь в этом отношении очень «интересные» люди. У них нет сомнения, нет самоанализа! Идёт огромный скандал в «Росгеологии». Назначили человека, который никакого отношения не имеет к геологии. Как можно создавать организацию, которую возглавляет такой человек? Как?! Ведь раньше подписали решение о назначении руководителя — всё. Через два месяца с него спросят: «Что у тебя делается?» Сейчас можно болтаться на должности долго и безответственно. Это дело?

О семье

Ю.С.: Ну вот. Тогда в завершение скажите несколько слов о вашей семье. По-моему, ваш сын учился в МГРИ, на нашем курсе...

Е.К.: Я вам хочу сказать откровенно, когда создавал семью хотел иметь двоих-троих детей. В студенческие годы я и встретил Эльзу Сергеевну Бузину, и женился. Я благодарен этой женщине, за тонкий женский разум, за то, что понимает все, что происходило с нами. Она была прекрасная жена начальника экспедиции, она была хорошая жена директора института. Она была прекрасной женой министра геологии. Она моя опора в жизни. И когда она в шутку говорит: «Когда мы были бедные...», я спрашиваю: «Ты когда со мной была бедной?» Она говорит: «Когда ты был министром. Нам постоянно не хватало денег».

Министры получали мало. Вот пример: заведующий кафедрой в Геологоразведочном институте получал 600 рублей. И по НИСу (*научно-исследовательский сектор — прим. ред.*) зарабатывал где-то 200. И таким образом 800 рублей. Я, министр, получал 700 рублей. И мне А.Н. Косыгин когда-то за какие-то заслуги добавил 100 рублей. Понимаете? Но я считаю, что ничего за этим плохого нет. Но разрыва сегодня между высокооплачиваемым каким-то дельцом и профессором — жуткий. Это интеллектуальное убийство! Вот в чем дело! Сегодня получает кто-то по 200–300 тысяч пенсию. У меня вопрос: на каком основании? Есть положение о пенсиях. Ушел президент Татарстана, у него, по-моему, 400 тысяч пенсия. Я спрашиваю, на каком основании? И они хотят, что бы нищий профессор воспитал студента-интеллектуала? Так не бывает!

Ю.С.: Сами себе назначили, вот и всё.

Е.К.: Сами себе! А государство куда смотрит!

Ю.С.: Я себе представляю, как вы это переживаете.

Е.К.: Да, так вот, прошу извинить, я перешел на болевые точки. Мы жили когда на Солнечном (Хабаровский край), на весь поселок сначала была одна корова. А были новорожденные, поэтому обязаны были делить молоко. Давали разнарядку, кому дать молоко этой коровы. Поэтому заводить второго ребенка было довольно сложно.

У меня сын закончил тоже Геологоразведочный университет [МГРИ], работал семь лет на уран, на Алдане. После работал в ВИЭМСе, защитил кандидатскую диссертацию. После работал профессором в нашем университете. Но, к сожалению, рано ушел из жизни, уже десять лет, как его нет. Хорошо, остались внуки. Сейчас Даша родила Диму, такого прекрасного паренька. Я прадед. Внук закончил тоже Геологоразведочный институт [МГРИ], сейчас работает во ВНИИГеосистем. Также собирается поступать в аспирантуру.

А в основном, я вам хочу сказать, все в трудах праведных. Я не умею отдыхать. И Эльза Сергеевна, моя супруга, обычно говорит: «Ты свои бумаги захватил? Она говорит: «Если бумаги взял, ты хорошо, тихонько сидишь и занимаешься своим делом». А без дела не могу. К восьмидесятилетию мне коллеги

сделали фильм, в котором я говорю «я живу, пока работаю». Так что трудоголики моего возраста, наверное, и держат немножко еще воспоминания о старой геологии.

Ю.С.: Меня, знаете, что огорчало и огорчает... Когда была ситуация с музеем Вернадского, нам удалось собрать собрание геологической общественности. Действительно приехали, письма из геологических управлений из разных городов были, выпускники. В общем, все-таки люди переживали и высказали какое-то общее мнение, что нельзя это отдавать, грубо говоря, под салон автомобилей. Геологи — действительно люди, которые жизнью приучены к взаимовыручке, ко всему. Но они не сумели высказать как-то свое мнение, что же происходит с отраслью, что происходит с библиотеками, с архивохранилищами. То есть получилось, что мы оказались как все, мы ничего не смогли сказать.

Е.К.: Я полностью разделяю эту точку зрения, и я переживаю за это. Вы знаете, недавно из ВСЕГЕИ (не хочу называть этого профессора) позвонила мне и говорит: «Евгений Александрович, наш ВСЕГЕИ хотят передать Ленинградскому горному институту. Помогите!» Я говорю: «Слушайте, ребята, вы что, одурели?! Вы же — крупные ученые, черт подери, подпишите письмо, пошлите Путину, пошлите куда-то! — Я пробовала собрать подписи. Не подписываются, не хотят».

Ю.С.: Страхов один в свое время что-то пытался...

Е.К.: А это связано с тем, что после того, как подпишут, директору будет звонок, скажут: «Уберите ее из института!» И ее выбросят. Неуверенность в жизни — это витает сегодня среди и учёных, и других специалистов!

Ю.С.: А директор скажет: «Она хороший сотрудник».

Е.К.: Никогда не скажет. Если ему скажут «уберите», он уберет.

Ю.С.: Она — хороший сотрудник, я ее не уберу.

Е.К.: Да что вы, ей Богу. Сейчас этого не бывает, это уже прошло. Вот в чем дело! Это невозможно. Вот вчера выслушал речь о приватизации, которая идет сейчас. Волосы дыбом становятся, понимаете! Директору предприятия в Санкт-Петербурге сказали: «Или ты сделаешь, или мы тебя выгоним». И кто позвонил? Какой-то мальчишка-юрист. Вот вам и реальность жизни!

Ю.С.: Это фантастика. ГИГХСа (*Государственный институт горнохимического сырья — прим. ред.*) вообще не стало.

Ю.С.: Спасибо большое за беседу.